

Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений

Distr.: General
21 July 2025
Russian
Original: Spanish

Комитет по насильственным исчезновениям

Соображения, принятые Комитетом в соответствии со статьей 31 Конвенции относительно сообщения № 5/2021 * * * * *

<i>Сообщение представлено:</i>	Роса Рамирес Барриос и Педро Рамирес Барриос (представлены Маурилио Сантьяго Рейесом, Центр защиты прав человека и консультативной помощи коренным народам)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	Алексис Марин Рамирес, Роса Рамирес Барриос и Педро Рамирес Барриос
<i>Государство-участник:</i>	Мексика
<i>Дата сообщения:</i>	12 октября 2021 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Рабочей группы по индивидуальным сообщениям и срочным мерам в соответствии со статьей 31 Конвенции, препровожденное государству-участнику 25 октября 2021 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия соображений:</i>	1 апреля 2025 года
<i>Тема сообщения:</i>	насильственное исчезновение, совершенное группой неустановленных вооруженных лиц
<i>Вопросы процедуры:</i>	юрисдикция <i>ratione materiae</i> , юрисдикция <i>ratione temporis</i> , исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	насильственное исчезновение, непроведение расследования и непредоставление возмещения
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2, 3, 12, 15 и 24

* Приняты Комитетом на его двадцать восьмой сессии (17 марта — 4 апреля 2025 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Хуан Пабло Альбан-Аленкастро, Матар Диоп, Оливье де Фрувиль, Фиделис Каньонголо, Милица Колакович-Бойович, Барбара Лохбилер, Орасио Равенна и Кармен Роса Вилья Кинтана.

*** В приложении к настоящим соображениям представлены особые (совпадающие) мнения членов Комитета Оливье де Фрувиля и Хуана Пабло Альбана Аленкастро.

**** Приложения распространяются только на том языке, на котором они были представлены.

1.1 Авторы сообщения — Роса Рамирес Барриос и Педро Рамирес Барриос, граждане Мексики, родившиеся в 1972 и 1978 годах, соответственно. Они действуют от имени Алексиса Марина Рамиреса, сына г-жи Рамирес Барриос и гражданина Мексики, родившегося 16 августа 1997 года. Авторы утверждают, что государство-участник нарушило их права по статье 24 Конвенции, а также права г-на Марина Рамиреса по статьям 1, 2, 3, 12, 15 и 24 Конвенции. Авторы представлены адвокатом.

1.2 Конвенция вступила в силу для государства-участника 23 декабря 2010 года, и 2 октября 2020 года государство-участник признало компетенцию Комитета принимать и рассматривать индивидуальные сообщения.

1.3 17 марта 2025 года Комитет, в соответствии с положениями правила 78 своих правил процедуры, созвал стороны на очное слушание с целью получения дополнительной информации относительно фактов, о которых идет речь в настоящем сообщении.

Факты в изложении авторов

2.1 Г-н Марин Рамирес родом из Кабатиауа-Идальго, муниципалитет Санта-Крус-Итундухия (округ Путла-Вилья-де-Герреро) в регионе Миштека, штат Оахака. Он занимался перевозкой лесоматериалов на своем большегрузном автомобиле в различные районы штатов Оахака и Пуэбла.

2.2 7 ноября 2017 года он отправился на работу вместе с Х. Г. Х. Им предстояло отвезти лесоматериалы в Атликско (штат Пуэбла), и он сообщил своей матери, что сначала он погрузит древесину на лесопильном предприятии, принадлежащем лицам, известным среди местного населения как «Гуэрос». В полночь 8 ноября Х. Г. Х. предположительно уведомил семью г-на Марина Рамиреса о том, что их задержали шестеро мужчин в балаклавах, закрывающих лицо, темной одежде и полицейских ботинках с заправленными в них брюками, вооруженных длинноствольным оружием, похожим на дробовики. Эти лица ехали на белом грузовом автомобиле-пикапе марки «Ниссан» с двухрядной кабиной. Как сообщается, эти лица перехватили большегрузный автомобиль, на котором г-н Марин Рамирес направлялся в Тлахьяко, штат Оахака. Г-на Марина Рамиреса и Х. Г. Х. предположительно заставили выйти из их автомобиля и сесть в автомобиль-пикап марки «Ниссан». Они проехали 2 км, после чего Х. Г. Х., как утверждается, велели выйти из автомобиля, и двое мужчин в масках, находившихся с ними, отвели его в заросли кустарника и сказали ему, что он должен подождать там несколько минут, и когда шум двигателя уезжающего автомобиля-пикапа стихнет, он должен вернуться к их большегрузному автомобилю и переночевать там, а на следующий день он должен сообщить семье жертвы, что им позвонят по телефону и дадут инструкции относительно выплаты выкупа. Х. Г. Х. заявил, что нападавшие сказали ему, что они не грабители и что, когда им позвонят, не надо упоминать похищение, а при передаче денег следует указать на «оплату в килограммах».

2.3 В период с 9 ноября по 4 декабря 2017 года между лицами, забравшими г-на Марина Рамиреса, и членами его семьи предположительно велись переговоры посредством телефонных звонков, текстовых, аудио- и видеосообщений с помощью службы обмена сообщениями WhatsApp с трех разных телефонных номеров. 9 ноября 2017 года брату г-на Марина Рамиреса предположительно позвонили и потребовали выкуп в размере десяти миллионов песо (примерно 572 000 долл. США). Как сообщается, 4 декабря семье г-на Марина Рамиреса снова позвонили. Его семья предложила позвонившим сумму в размере 147 300 песо (примерно 8500 долл. США), которая была отклонена и вместо которой у них потребовали 3 000 000 песо (примерно 172 000 долл. США) за его освобождение. Соглашение не было достигнуто, и с его семьей больше не связывались.

2.4 11 ноября 2017 года автор обратилась в отделение прокуратуры города Тлахьяко при специализированном подразделении по борьбе с похищениями людей

Генеральной прокуратуры, чтобы заявить об исчезновении своего сына, на основании чего было открыто расследование¹.

2.5 31 октября 2018 года автор сообщила об исчезновении своего сына прокурору специализированного подразделения по розыску исчезнувших лиц при Генеральной прокуратуре штата Оахака. В 2019 году специализированное подразделение по розыску исчезнувших лиц начало сбор справочных материалов в целях оказания содействия в проведении оперативно-розыскных мероприятий, а расследованием продолжало заниматься специализированное подразделение по борьбе с похищениями людей.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что государство-участник нарушило их права по статьям 1, 2, 3, 12, 15 и 24 Конвенции, поскольку органы, ответственные за проведение расследования и оперативно-розыскных мероприятий, не предприняли надлежащих действий в связи с исчезновением г-на Марина Рамиреса, и расследование до сих пор не позволило выявить свидетельства, позволяющие установить, кто мог совершить это насильственное исчезновение или быть причастным к нему, и тем более определить местонахождение г-на Марина Рамиреса. Авторы утверждают, что об исчезновении было сообщено своевременно и что, хотя первоначально речь шла о похищении, когда звонки с требованием выкупа прекратились, и от г-на Марина Рамиреса более не поступало никаких известий, авторы сочли его исчезнувшим, в связи с чем они, как сообщается, подали также заявление об исчезновении.

3.2 Авторы добавляют, что второе заявление, датированное 31 октября 2018 года, было рассмотрено по прошествии года, что свидетельствует о том, что компетентный орган не воспользовался соответствующими полномочиями и не выделил ресурсы, необходимые для эффективного проведения расследования, что привело к утрате доказательств в связи с прошествием времени.

3.3 В отношении статьи 24 Конвенции авторы утверждают, что живут в состоянии тревоги, не зная, жив ли их родственник или мертв, и пребывая в полном неведении относительно обстоятельств его исчезновения, хода и результатов расследования, а также его судьбы или местонахождения. Они отмечают, что никаких оперативно-розыскных мероприятий проведено не было, и, так как местонахождение жертвы осталось неизвестным, его родственники не могут требовать возвращения останков. Аналогичным образом, авторы утверждают, что государство-участник не предоставило им никаких мер возмещения вреда, не говоря уже о принятии мер по обеспечению того, чтобы они как косвенные жертвы получили защиту и социально-экономическую поддержку.

3.4 Наконец, авторы утверждают, что в их случае действует исключение из правила исчерпания внутренних средств правовой защиты, предусмотренного пунктом 2 d) статьи 31 Конвенции. Они утверждают, что использовали доступные внутренние средства правовой защиты, такие как обращение в органы, занимающиеся уголовным судопроизводством, и эти средства, включая подачу второй жалобы в Генеральную прокуратуру штата Оахака, в принципе должны были быть эффективными. Однако спустя почти четыре года после исчезновения г-на Марина Рамиреса и подачи его матерью первого заявления о его исчезновении никто из виновных в этом преступлении не был установлен и привлечен к судебной ответственности, нет никаких версий происшествия ни со стороны специализированного подразделения по борьбе с похищениями людей, ни со стороны специализированного подразделения по розыску исчезнувших лиц при Генеральной прокуратуре штата Оахака, местонахождение и судьба г-на Марина Рамиреса неизвестны, а его родственники не получили никакого возмещения. Таким образом, применение внутренних средств правовой защиты оказалось неоправданно затянутым, безрезультатным и неэффективным.

¹ № 1031/FEDAI/2017.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях относительно приемлемости и существа сообщения от 7 марта 2022 года государство-участник просит Комитет объявить это сообщение неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, в соответствии с пунктом 2 d) статьи 31 Конвенции, а также на том основании, что авторы сообщения пытаются привлечь Комитет в качестве четвертой судебной инстанции.

4.2 Что касается предполагаемого неисчерпания внутренних средств правовой защиты, то государство-участник утверждает, что данное дело все еще находится на рассмотрении государственных следственных органов, которые продолжают сбор доказательств для установления личности виновных в исчезновении г-на Марина Рамиреса. Оно отмечает, что специализированное подразделение по борьбе с похищениями людей при отделении прокуратуры по борьбе с особо опасными преступлениями начало расследование. Что касается состава преступления, то прокуратура посчитала, что жертва была похищена, и квалифицировала деяние как «похищение человека при отягчающих обстоятельствах» в соответствии с подпунктом а) пункта I статьи 9, а также со связанными с ним подпунктами а) и с) пункта I статьи 10 Общего закона о предупреждении преступлений, связанных с похищением человека, и наказании за них.

4.3 Государство-участник отмечает, что после получения заявления прокуратура постоянно оказывала родственникам жертвы содействие силами полицейской группы, специализирующейся на оказании помощи в кризисных ситуациях и переговорах, и провела ряд следственных действий с целью установления места, где могли держать г-на Марина Рамиреса. Государство-участник сообщает, что, хотя меры защиты приняты не были, косвенным жертвам были сообщены номера телефонов сотрудников полиции, которыми они могли при необходимости воспользоваться, и что прокуратура информировала родственников жертвы о ходе расследования.

4.4 Государство-участник подчеркивает, что были проведены различные следственные действия, включая беседы с заявителями, подготовку отчетов о ходе расследования, проведение экспертизы, получение разрешения на прослушивание сообщений, подготовку оперативной информации, заключение судебно-генетического эксперта от 24 мая 2018 года, подготовку отчетов о следственных и оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на установление местонахождения жертвы, за 2019 и 2020 годы, а также заключение судебно-генетического эксперта о результатах сравнительного исследования генетического материала от 8 июля 2021 года. Государство-участник добавляет, что проведенные следственные мероприятия и анализ имеющихся материалов пока не позволили установить местонахождение г-на Марина Рамиреса, что не препятствует продолжению скоординированных действий, направленных на достижение результатов.

4.5 Государство-участник утверждает, что в 2018 году специализированное подразделение по насильственным исчезновениям начало сбор справочных материалов в связи с исчезновением г-на Марина Рамиреса². Было также сделано обращение в Государственную комиссию по розыску исчезнувших лиц штата Оахака с целью разработки плана оперативно-розыскных мероприятий и регулярного информирования жертв о ходе работы. В этой связи были проведены следующие следственные мероприятия: а) заполнение вопросника *ante mortem* и *post mortem*; б) получение генетического профиля семьи г-на Марина Рамиреса, чтобы иметь возможность сопоставить с ним возможные вещественные доказательства; в) снятие показаний свидетелей; г) визуальный осмотр места происшествия; д) анализ телефонных звонков; е) публикация информационного листка о розыске г-на Марина Рамиреса.

4.6 Государство-участник утверждает, что оно не нарушило статьи 1, 2, 3, 12, 15 и 24 Конвенции, ибо оно неизменно действовало оперативно и в соответствии с

² Cuaderno de Antecedentes 03/CC-UEDF/2018.

применимыми руководящими принципами при должном уважении прав жертв, причем проводимые им следственные мероприятия, направленные на установление местонахождения г-на Марина Рамиреса и установление личности и взятие под стражу лиц, предположительно ответственных за преступление похищения, продолжаются. В этой связи государство-участник вновь заявляет, что внутренние средства правовой защиты, связанные с открытым расследованием, не были исчерпаны. Оно отмечает также, что жертвам никоим образом не препятствовали в осуществлении их права обращаться в местные и федеральные органы власти, к правозащитникам или в судебные инстанции, такие как Конституционная палата по защите прав человека при Высшем суде штата Оахака.

4.7 Государство-участник отмечает, что неоправданной задержки допущено не было, поскольку, несмотря на сложную социальную ситуацию и отсутствие безопасности в различных районах округа Тлахьяко, были приняты незамедлительные меры реагирования и осуществлены следственные действия в целях обнаружения места содержания, спасения жертвы и взятия под стражу преступников. Государство-участник утверждает, что упомянутая ситуация затрудняет проведение расследования, поскольку проникновение в соответствующие районы сопряжено с риском, учитывая, что там действуют вооруженные формирования, которые не позволяют прокуратуре выполнять свою работу. Кроме того, для ее выполнения необходимо запрашивать разрешение у муниципальных властей, без которого следственные действия проводиться не могут, поскольку в случае несанкционированного проникновения в соответствующие районы государство несет прямую ответственность за последствия такого проникновения.

4.8 Наконец, государство-участник утверждает, что чрезвычайная ситуация глобальных масштабов, вызванная коронавирусной инфекцией (COVID-19), привела к тому, что различные государственные учреждения были вынуждены ограничить или даже приостановить свою деятельность, но это не помешало компетентным органам продолжать следственные и оперативно-розыскные мероприятия в 2020 и 2021 годах.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

5.1 В своих комментариях к замечаниям государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения от 9 июня 2022 года авторы утверждают, что прокуратура затягивала расследование фактов и препятствовала его проведению, за что родственники г-на Марина Рамиреса не несут ответственность. Они утверждают, что прокуратура не предприняла всех необходимых действий для сбора доказательств, прежде чем они были утеряны или уничтожены с течением времени. Авторы утверждают, что проведенные следственные действия не позволили установить местонахождение г-на Марина Рамиреса и что не были предприняты необходимые шаги, такие как снятие показаний Х. Г. Х., который находился с жертвой в момент ее исчезновения (это было сделано лишь позднее, 25 сентября 2020 года, по прошествии двух лет и пяти месяцев после этих событий); что не была обеспечена сохранность места преступления и не соблюден порядок изъятия, учета и хранения вещественных доказательств, а осмотр места преступления был проведен спустя несколько месяцев, несмотря на то, что эти действия могут иметь решающее значение для расследования.

5.2 Что касается сбора справочных материалов, то авторы утверждают, что он был начат по просьбе автора, которая, не добившись никаких результатов после своего обращения в специализированное подразделение по борьбе с похищениями людей при отделении прокуратуры по борьбе с особо опасными преступлениями, 31 октября 2018 года обратилась с заявлением в специализированное подразделение по насильственным исчезновениям. Они утверждают также, что оперативно-розыскные мероприятия и другие действия, о которых просили родственники жертвы, осуществлены не были, причем последние получили ограниченный доступ к материалам расследования. Авторы утверждают, что государство-участник не приняло оперативных мер реагирования и что им до сих пор неизвестны ни имеющиеся направления расследования, ни полученные по ним результаты. Что касается аргумента государства-участника о том, что проведение следственных

мероприятий сопряжено с риском, поскольку эти мероприятия должны проводиться на территории, где предположительно действуют вооруженные группы, то авторы вновь заявляют, что государство обладает всеми необходимыми средствами и прерогативами для защиты верховенства права на национальной территории.

5.3 Авторы просят Комитет настоятельно призвать государство-участник:

- a) признать их статус жертв на национальном уровне, что позволит им эффективно участвовать в расследованиях, связанных с исчезновением их родственника;
- b) обеспечить проведение тщательного и беспристрастного расследования;
- c) осуществить преследование, предать суду и наказать непосредственных исполнителей и лиц, ответственных за насильственное исчезновение г-на Марина Рамиреса;
- d) предоставить авторам быстрое, справедливое и адекватное возмещение нанесенного им ущерба и компенсацию в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 24 Конвенции;
- e) принять все необходимые меры для обеспечения гарантий неповторения в соответствии с пунктом 5 d) статьи 24 Конвенции;
- f) опубликовать настоящие выводы и широко распространить их содержание, в частности, но не только, среди сотрудников прокуратур штатов и Генеральной прокуратуры, занимающихся расследованием насильственных исчезновений.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 20 февраля 2024 года государство-участник заявило, что свыше 25 млн жителей страны определяют себя как коренные народы и что в Конституции Мексики признается, что страна имеет многокультурный состав, а коренные народы и общины имеют право на самоопределение³. Оно заявило также, что к коренным народам относят себя 65,7 % населения штата Оахака. В этом штате насчитывается не менее 16 коренных народов, проживающих в 8 регионах, каждый из которых имеет свои традиции, культуру, самобытность и мировоззрение. Из 570 муниципалитетов штата 417 управляются по системе традиций и обычаев, а 15 — по системе политических партий. В округе Тлахьяко, расположенном в регионе Миштека, действует внутренняя нормативная система, соответствующая мировоззрению местных народов. На этой территории произошло несколько внутренних конфликтов, связанных с разграничением земель, лесопользованием и несправедливым распределением и нерациональным использованием федеральных экономических ресурсов, что привело к созданию ряда общественных движений, таких как Движение за объединение и борьбу народа Трики, Независимое движение за объединение и борьбу народа Трики и Союз социального благополучия региона Трики. Государство-участник добавляет, что местные общественные движения отстаивают противоположные социальные интересы, в результате чего между ними вспыхнула вражда, что привело к совершению многочисленных преступлений.

6.2 Согласно государству-участнику, неспособность этих движений прийти к соглашению препятствует доступу государственных органов штата Оахака, в частности сотрудников прокуратуры штата, на территорию, где проживают эти группы коренных народов. Кроме того, у населения этого района своя собственная внутренняя система управления, и поэтому государство-участник утверждает, что представители государственных властей не должны проникать туда без предварительного разрешения. В противном случае власти штата Оахака будут нести ответственность за любой ущерб, нанесенный их представителям.

6.3 Что касается надлежащих усилий государственных органов при проведении расследования и розыска г-на Марина Рамиреса, то государство-участник утверждает,

³ Статья 2 Политической конституции Мексиканских Соединенных Штатов.

что населенный пункт Пало-де-Летра, где он был предположительно похищен, входит в административный центр округа Тлахьяко. Этот населенный пункт граничит в том числе с населенными пунктами Сан-Мигель-эль-Гранде и Льяно-де-Гуадалупе, куда бойцы Движения за объединение и борьбу народа Трики и Независимого движения за объединение и борьбу независимого народа Трики не допускают представителей государственных властей. Оно добавляет, что в этом районе присутствуют хорошо вооруженные люди⁴. Такая ситуация усугубляется продолжающимся конфликтом, связанным со спорами по поводу земельных границ, в округе Тлахьяко и муниципалитете Магдалена-Пеньяско, что подчеркивает высокую степень риска, которому подвергаются следователи в районе, где был похищен г-н Марин Рамирес. Государство-участник сообщает также, что 30 января 2024 года состоялось рабочее совещание с участием косвенных жертв и различных учреждений, включая Государственную комиссию по розыску исчезнувших лиц штата Оахака, для рассмотрения преимуществ и недостатков проникновения в этот район, по итогам которого было решено разработать план оперативно-розыскных мероприятий. Оно добавляет, что, согласно показаниям жертвы другого похищения, во время его пребывания в плену преступники якобы сказали ему, что в Тлахьяко много ям и пещер, и если его убьют, то «его не найдут». В настоящее время власти проводят оперативно-розыскные мероприятия в трех точках этого района, которые могли служить местом его тайного содержания в плену, с целью установления местонахождения г-на Марина Рамиреса. В этой связи государство-участник вновь заявляет, что, несмотря на описанные выше препятствия, власти действовали добросовестно и осуществляли следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия в разумные сроки.

Дополнительные комментарии автора к замечаниям государства-участника

7. В своих дополнительных комментариях от 23 февраля 2024 года авторы утверждают, что государство-участник не может ссылаться на сложную социальную ситуацию и отсутствие безопасности в различных населенных пунктах Тлахьяко в оправдание непринятия срочных и необходимых мер, в частности непроведения осмотра места преступления или опроса единственного очевидца, а также отсутствия направлений расследования или плана оперативно-розыскных мероприятий. Они добавляют, что, хотя 16 июня 2022 года были проведены розыскные мероприятия, на тот момент прошло четыре года и пять месяцев после подачи заявления, и ряд следственных действий до сих пор не завершен. Авторы добавляют, что отсутствие безопасности и необходимость получения разрешения от муниципальных властей не являются препятствием для государства-участника, поскольку оно располагает различными средствами, налаженными связями между различными ведомствами и, наконец, силой принуждения для обеспечения исполнения своих решений. Кроме того, необходимые следственные действия могут проводиться в сопровождении вооруженных сил и полиции, как это уже делалось в других случаях.

Слушания

8.1 По приглашению Комитета, в соответствии с правилом 78 его правил процедуры, 17 марта 2025 года автор сообщения, ее законные представители и представители государства-участника предстали перед Комитетом. Целью слушания было получение Комитетом дополнительной фактической информации. В частности, сторонам было предложено коснуться следующих вопросов:

а) присутствие вооруженных групп в регионе Тлахьяко (штат Оахака), в частности с 2017 года по настоящее время; названия и состав этих групп, а также территории, на которых они присутствуют; данные о нарушениях, совершенных этими группами, и, в соответствующих случаях, их характер и масштабы; осуществляют ли эти группы какой-либо территориальный контроль, и если да, то каков его характер; предпринятые государством-участником действия по предотвращению нарушений, совершаемых этими группами, и наказанию за них, а также происходят ли столкновения между этими группами и другими группами, присутствующими на

⁴ См. URL <https://animalpolitico.com/estados/emboscada-san-miguel-grande-oaxaca-muertos-policias>.

местах, или местными властями, и если да, то каков характер и интенсивность таких столкновений;

b) доступ органов власти штата (полиции и прокуратуры) на территорию, где предположительно исчез г-н Марин Рамирес. Действующие требования в отношении получения доступа и соответствующие процедуры и область их применения;

c) доступ федеральных органов власти на территорию, где предположительно исчез г-н Марин Рамирес;

d) информация о выполнении законодательства об автономии и самоопределении коренных народов, в частности в том, что касается делегирования полномочий властям коренных народов и муниципальным властям.

Аргументы, представленные авторами

8.2 Что касается первого аспекта, то авторы утверждают, что регион Миштека в штате Оахака затронут проблемой присутствия вооруженных формирований и преступных групп, пользующихся покровительством органов полиции и прокуратуры и действующих с их согласия, что способствует сохранению безнаказанности. Авторы вновь заявляют, что государство-участник не приняло всех необходимых и надлежащих мер для проведения оперативного и эффективного расследования исчезновения г-на Марина Рамиреса. Авторы добавляют, что, несмотря на неоднократные просьбы с их стороны, последние предпринятые действия датируются 4 августа 2023 года, что план оперативно-розыскных мероприятий составлен не был и что расследование не продвинулось. По мнению авторов, утверждения государства-участника о том, что присутствие вооруженных групп в этом районе является препятствием для продвижения расследования, не могут оправдать непроведение расследования, поскольку реальная причина отсутствия результатов кроется в коррупции и сговоре сил безопасности и органов прокуратуры с преступными группами. Авторы ссылаются на некоторые случаи исчезновений и серьезных преступлений, совершенных в этом регионе, которые остаются нераскрытыми, что, по мнению авторов, свидетельствует о намеренном бездействии местных и федеральных властей в том, что касается предотвращения и расследования преступлений.

8.3 Что касается второго и третьего пунктов, то авторы заявляют, что прокуратура обязана координировать свои действия с Государственной комиссией по розыску исчезнувших лиц и исполнительными органами штата Оахака в целях обеспечения доступа к местам, где намечено провести оперативно-розыскные мероприятия. Однако даже после исследования местности, проведенного в Пало-де-Летра в мае 2023 года, до сих пор не было предпринято ни эффективных действий по разработке плана оперативно-розыскных мероприятий, ни конкретных действий по налаживанию координации с Государственной комиссией по розыску исчезнувших лиц. Авторы утверждают, что нет никаких реальных препятствий для проведения расследований с выездами на места в районе, где произошло исчезновение. Они заявляют, что участие федеральных властей ограничивается обеспечением безопасности и что они задействуются только в случае необходимости, поскольку основная ответственность лежит на властях штата.

8.4 Наконец, авторы утверждают, что, хотя в государстве-участнике действительно существует правовой плюрализм и признается юрисдикция коренных народов, она не является абсолютной. Согласно постановлениям Верховного суда и статье 420 Федерального уголовно-процессуального кодекса, власти коренных народов могут применять свои нормы в случае внутренних конфликтов, но не в случае совершения серьезных преступлений, таких как насильственное исчезновение, в отношении которых в обязательном порядке избирается мера пресечения в виде заключения под стражу. Насильственное исчезновение не только является преступлением, но и рассматривается как серьезное нарушение прав человека, что налагает на все власти, включая власти коренных народов и муниципальные власти, обязательство провести тщательное и беспристрастное расследование и соответствующим образом наказать виновных. Автономия коренных народов в вопросах правосудия согласуется с

национальной правовой базой и принципами прав человека, не ограничивая действия федеральных властей или властей штата. Авторы напоминают, что нормативные системы коренных народов должны соответствовать национальной правовой системе и Конституции.

Аргументы государства-участника

8.5 Государство-участник заявляет о своей готовности сотрудничать с Комитетом, что нашло отражение в его участии в слушаниях. Оно заявляет также, что поиск исчезнувших лиц и расследование случаев насильственного исчезновения являются национальным приоритетом, и для этого предусмотрена специальная правовая база, в том числе различные учреждения, координационные механизмы и Национальная комиссия по розыску.

8.6 Что касается первого пункта, то государство-участник признает, что, хотя между различными группами и общественными движениями коренных народов существуют социальные конфликты на территориальной почве, которые приводят к сложной ситуации на местах, вооруженные формирования не контролируют территорию, о которой идет речь. По мнению государства-участника, требуется всесторонний анализ общего контекста, поскольку в этих коренных общинах соседствуют различные культуры, а также формы и модели регулирования, так что проведение определенных действий без надлежащей координации может поставить под угрозу их сосуществование или спровоцировать конфликты между ними. Государство-участник добавляет, что, хотя нет необходимости запрашивать разрешение для получения доступа на территорию, где предполагается вести расследование, все же необходимо предварительно договариваться с коренными общинами, чтобы обеспечить соблюдение их автономии и самоопределения. Для этого важно поддерживать постоянный диалог с коренными общинами, которые в свете особых обстоятельств, таких, например, как пандемия COVID-19, ограничили доступ посторонних на свою территорию.

8.7 Что касается координации между властями штата и муниципальными властями, то государство-участник заявляет, что правоприменительные органы назначаются правительством штата Оахака и что там также присутствуют федеральные власти. Что касается превентивных мер, то государство-участник заявило, что существуют так называемые делегаты мира, которые в случаях исчезновения людей поддерживают прямую связь с властями муниципалитетов и с Государственной комиссией по розыску исчезнувших лиц, и что в регионе Миштека был усилен режим несения службы сотрудниками полиции.

8.8 По вопросу о законодательстве, касающемся коренных народов, государство-участник заявило, что в Конституции штата Оахака закреплена обязанность защищать коренные народы и общины и признавать их правовые системы. С этой целью власти на уровне штатов заключают соглашения с общинами и поддерживают диалог с муниципальными властями при проведении следственных действий.

8.9 Государство-участник считает нужным отметить, что в своем первоначальном сообщении авторы не утверждали о терпимости или попустительстве со стороны государственных властей в поддержку своего заявления о том, что исчезновение г-на Марина Рамиреса представляет собой насильственное исчезновение. В настоящее время открыто расследование в связи с преступлением похищения, которое ведется местными властями под руководством специализированного подразделения по борьбе с похищениями людей при отделении прокуратуры по борьбе с особо опасными преступлениями. Кроме того, государство-участник вновь заявляет, что для поддержки оперативно-розыскных мероприятий оно приняло решение привлечь специализированное подразделение по розыску исчезнувших лиц для сбора справочных материалов с целью сотрудничества со специализированным персоналом и использования механизмов розыска этого подразделения прокуратуры. Государство-участник признает свое обязательство провести тщательное расследование, чтобы найти г-на Марина Рамиреса живым или идентифицировать его останки, и отмечает, что для этого требуется разумный период времени. Оно утверждает, что приняло необходимые меры, несмотря на сложность системы традиций и обычаев, а также

ограничения, введенные во время пандемии и шторма «Агата», которые замедлили процесс; но это не означает, что государство бездействовало.

8.10 Государство-участник вновь заявляет, что настоящее сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания средств правовой защиты, поскольку следственные действия до сих пор не завершены.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 31 Конвенции.

9.2 Комитет отмечает, что события, лежащие в основе утверждений авторов, представленных в Комитет, начались в ноябре 2017 года, т.е. после вступления Конвенции в силу для государства-участника 23 декабря 2010 года, и, таким образом, пункт 1 статьи 35 Конвенции не является препятствием для признания компетенции Комитета рассматривать данное сообщение, поскольку на момент предполагаемого исчезновения г-на Марина Рамиреса обязательства государства-участника по Конвенции уже существовали. Кроме того, хотя о том, что оно признает компетенцию Комитета получать и рассматривать индивидуальные сообщения в соответствии со статьей 31 Конвенции, государство-участник заявило 2 октября 2020 года, Комитет напоминает о насильственных исчезновениях как длящихся преступлениях⁵, а также о том, что предполагаемое насильственное исчезновение г-на Марина Рамиреса продолжается после того, как государство-участник признало компетенцию Комитета. Учитывая это, Комитет приходит к выводу, что он обладает компетенцией *ratione temporis* для рассмотрения настоящего сообщения⁶.

9.3 Комитет принимает к сведению представленную авторами и не оспариваемую государством-участником информацию о том, что г-н Марин Рамирес, как сообщается, исчез в результате деяний группы вооруженных лиц в районе, где действовали различные вооруженные формирования с ведома государственных властей. Комитет принимает к сведению также утверждения авторов о том, что органы власти, ответственные за розыск и расследование, не приняли оперативных и эффективных мер для установления местонахождения г-на Марина Рамиреса и установления личности виновных в его исчезновении. В свете вышеизложенного Комитет считает, что представленные ему факты относятся к сфере компетенции Комитета, и приходит к выводу, что настоящее сообщение соответствует *ratione materiae* положениям Конвенции, и объявляет его приемлемым в соответствии с пунктом 1 статьи 31 Конвенции⁷.

9.4 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым в связи с неисчерпанием имеющихся средств правовой защиты в соответствии с пунктом 2 d) статьи 31 Конвенции, учитывая, что расследование Генеральной прокуратуры штата Оахака еще не завершено, о чем свидетельствуют различные процессуальные действия, продолжающиеся на данный момент или которые должны быть совершены.

9.5 Комитет напоминает, что цель требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты состоит в том, чтобы предоставить самому государству-участнику возможность выполнить свою обязанность по защите и обеспечению прав,

⁵ См. пункт 1 b) статьи 8 Конвенции. См. также [A/HRC/16/48](#), п. 39; Corte Interamericana de Derechos Humanos, *Radilla Pacheco vs. México*, sentencia de 23 de noviembre de 2009, párrs. 15 a 24 y 138 a 146.

⁶ *Берросе Медина против Мексики* ([CED/C/24/D/4/2021](#)), п. 6.2.

⁷ См. а contrario sensu *Каррион Баркайстегу против Испании* ([CCPR/C/80/D/1019/2001](#)), п. 6.4; *Кальвет Рафольс против Испании* ([CCPR/C/84/D/1333/2004](#)), п. 6.4.

закрепленных в Конвенции⁸. Комитет напоминает, что, согласно тому же пункту 2 d) статьи 31 Конвенции, это правило не действует, когда применение таких средств неоправданно затягивается и превышает разумные сроки⁹. Комитет напоминает также, что в соответствии с этим правилом внутренние средства правовой защиты, подлежащие исчерпанию, должны быть эффективными и доступными¹⁰. При наличии должным образом обоснованных утверждений об исчерпании внутренних средств правовой защиты или об исключениях, применимых к данному правилу, именно государству-участнику надлежит указать, какие из доступных авторам внутренних средств правовой защиты являются эффективными и их применение не превышает разумных сроков¹¹.

9.6 В данном случае Комитет отмечает, что с момента исчезновения г-на Марина Рамиреса и подачи соответствующих заявлений на национальном уровне и несмотря на различные ходатайства авторов, проводимые расследования не дали никаких результатов, а государство-участник не смогло обосновать затягивание расследования, ограничившись общим заявлением о том, что следственные действия еще не завершены, учитывая сложность дела, затрудненный доступ в соответствующее место и задержки, связанные с пандемией COVID-19 и ураганом «Агата». Соответственно, Комитет считает, что применение данного средства правовой защиты превысило разумные сроки, и приходит к выводу, что настоящий случай отвечает требованиям пункта 2 статьи 31 Конвенции.

9.7 Комитет отмечает, что, хотя авторы ссылаются на статью 15 Конвенции, они не представили обоснований того, каким образом эта статья была нарушена, и поэтому считает, что авторы не обосновали должным образом эти утверждения для целей приемлемости, и объявляет их неприемлемыми¹².

9.8 Комитет отмечает, что прочие утверждения авторов, касающиеся предполагаемого исчезновения г-на Марина Рамиреса, непроведения оперативных и тщательных розыскных действий и расследований, отсутствия доступа к правдивой информации об обстоятельствах его исчезновения и к средствам правовой защиты для жертв, являются надлежащим образом обоснованными для целей приемлемости сообщения. Соответственно, в отсутствие иных препятствий для признания приемлемости сообщения Комитет объявляет его приемлемым в части статей 1, 2, 3, 12 и 24 Конвенции в отношении г-на Марина Рамиреса и статей 12 и 24 Конвенции в отношении авторов сообщения и переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

10.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами, включая информацию, представленную во время слушаний.

10.2 Комитет принимает к сведению предоставленную авторами информацию о том, что г-н Марин Рамирес предположительно был перехвачен и лишен свободы шестью лицами в балаклавах, закрывающих лицо, темной одежде и высоких ботинках с заправленными в них брюками, вооруженными длинноствольным оружием, похожим на дробовики. Комитет отмечает, что лица, похитившие г-на Марина Рамиреса, предположительно сказали его спутнику, что родственникам г-на Марина Рамиреса позвонят по телефону и дадут инструкции относительно выплаты выкупа. Комитет отмечает также, что в период с 9 ноября по 4 декабря 2017 года между этими людьми и родственниками г-на Марина Рамиреса предположительно велись переговоры, а 4 декабря его родственники, как сообщается, потеряли связь с этими людьми, которые отклонили предложенную его родственниками сумму выкупа. Кроме того,

⁸ *Е. Л. А. против Франции* (CED/C/19/D/3/2019), п. 6.6; Комитет по правам человека, *Идальго Реа против Мексики* (CCPR/C/131/D/3259/2018), п. 8.4.

⁹ *Ируста и Ируста против Аргентины* (CED/C/10/D/1/2013), п. 8.5. См. также правила процедуры Комитета, правило 65, п. 3 е).

¹⁰ *Ируста и Ируста против Аргентины*, пп. 8.5–8.7; *Е. Л. А. против Франции*, п. 6.5.

¹¹ *Ируста и Ируста против Аргентины*, пп. 8.5–8.7; *Е. Л. А. против Франции*, п. 6.5.

¹² *Берросе Медина против Мексики*, п. 6.6.

Комитет принимает к сведению предоставленную государством-участником информацию о том, что в населенном пункте Пало-де-Летра, где предположительно исчез г-н Марин Рамирес, имеют место социальные конфликты и территориальные споры, в которые вовлечены прилегающие населенные пункты, а также тот факт, что в этом районе, по сообщениям, присутствуют «хорошо вооруженные лица».

10.3 Комитет отмечает также, что, согласно информации, предоставленной авторами, властям штата известно, что в районе, о котором идет речь, действуют вооруженные формирования, и что никаких мер для предотвращения и расследования совершения серьезных преступлений, включая исчезновение г-на Марина Рамиреса, принято не было. В этом контексте Комитет должен установить, может ли исчезновение г-на Марина Рамиреса, которое, как утверждается, было совершено негосударственными субъектами, быть вменено государству-участнику, и в этом случае оно подпадает под действие статьи 2 Конвенции, или же, напротив, оно подпадает под действие статьи 3 Конвенции.

10.4 Комитет напоминает, что статья 2 Конвенции касается насильственных исчезновений, совершенных представителями государства или лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства¹³. Она охватывает обстоятельства, при которых действия или бездействие лиц или групп лиц, не являющихся представителями государства, тем не менее могут быть присвоены государству и, таким образом, влекут за собой ответственность государства по международному праву. Такое присвоение может иметь место в любом контексте, включая ситуации международного или немеждународного вооруженного конфликта¹⁴. Это включает в том числе ситуации, когда преступные организации или вооруженные группы находятся под де-факто контролем государственных властей или когда такие организации получают ту или иную форму поддержки со стороны государственных агентов, или когда существует известная практика исчезновений людей, а государство не принимает необходимых мер для предотвращения дальнейших исчезновений или для их расследования и привлечения виновных к ответственности¹⁵.

10.5 Комитет, основываясь на Заявлении о негосударственных субъектах в контексте Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, напоминает, что: а) «разрешение» означает, что государство через своих представителей в устной или письменной форме дало санкцию лицам или группам лиц на совершение исчезновения; б) «поддержка» означает, что государство оказало определенное содействие лицам или группам лиц, совершившим насильственное исчезновение, путем, в частности, обмена информацией и/или предоставления таких средств, как инфраструктура, финансирование, оружие, обучение или материально-техническое обеспечение. Для целей присвоения в этом контексте поддержка не обязательно должна оказываться с конкретной целью совершения насильственного исчезновения; с) «согласие» означает, что государство знало, имело причины знать или должно было знать о совершении или о реальной и неминуемой опасности совершения насильственного исчезновения лицами или группами лиц, но при этом применяется одно из следующих условий: i) государство либо приняло и допустило, либо дало согласие на эту ситуацию, даже косвенно; ii) государство преднамеренно и полностью осознанно своим действием или бездействием не приняло мер по предотвращению преступления и расследованию и наказанию виновных; iii) государство действовало при попустительстве виновным или при полном игнорировании положения потенциальных жертв, способствуя действиям негосударственных субъектов, совершивших данное деяние; iv) государство создало условия, допускающие их совершение¹⁶.

10.6 Комитет отмечает, что, исходя из информации, предоставленной сторонами, в том числе устной информации, представленной в ходе слушаний, исчезновение

¹³ *Ируста и Ируста против Аргентины*, п. 10.3.

¹⁴ CED/C/10, п. 2.

¹⁵ CED/C/MEX/VR/1 (Выводы), п. 40.

¹⁶ CED/C/10, пп. 3–5.

г-на Марина Рамиреса было совершено негосударственными субъектами, предположительно связанными с группами вооруженных лиц, действующих на этой территории. Комитет принимает к сведению устные заявления авторов о том, что исчезновение г-на Марина Рамиреса было совершено преступными группами, пользующимися покровительством органов полиции и прокуратуры и/или действующими с их согласия. При этом Комитет отмечает, что эти заявления носят общий характер и не были включены ни в заявления о возбуждении уголовного дела, поданные в национальные органы, ни в первоначальное сообщение, представленное Комитету, а были озвучены только во время слушаний. Таким образом, Комитет считает, что, исходя из сведений, содержащихся в материалах дела, достаточная информация или конкретные доказательства, позволяющие установить презумпцию непосредственной поддержки или санкции со стороны государственных властей для совершения предполагаемого исчезновения г-на Марина Рамиреса, отсутствуют. Поэтому Комитет определит, имело ли место согласие государства на совершение исчезновения этого лица, руководствуясь критериями, описанными в пункте 10.4. Для этой цели Комитет должен сначала определить применительно к случаю исчезновения г-на Марина Рамиреса, знало ли государство, имело ли оно причины знать или должно ли оно было знать о совершении или о реальной и неминуемой опасности совершения насильственного исчезновения лицами или группами лиц. Во-вторых, Комитет определит, действительно ли государство-участник преднамеренно и полностью осознанно не приняло мер по предотвращению преступления и расследованию и наказанию виновных.

10.7 Что касается первого вопроса, то Комитет отмечает, что, по словам авторов, исчезновение г-на Марина Рамиреса произошло в контексте серьезных нарушений прав человека со стороны вооруженных групп, действующих в этом районе, включая другие случаи исчезновения и другие серьезные преступления. Комитет отмечает также, что государство-участник признает существование в этом районе междоусобиц, связанных с границами земель, вырубкой лесов и распределением федеральных средств, которые привели к возникновению общественных движений. Кроме того, государство признает наличие территориальных споров, из-за которых регион Тлахьяко и муниципалитет Магдалена-Пеньяско находятся в состоянии конфликта. На основании вышеизложенного Комитет делает вывод о том, что государству-участнику было известно о присутствии в этом районе вооруженных лиц и о совершенных ими серьезных нарушениях в регионе Тлахьяко, включая исчезновения. В случае с г-ном Марином Рамиресом Комитет считает, что, учитывая вышеописанный контекст, государство должно было знать о реальной и неминуемой опасности его исчезновения.

10.8 Комитет отмечает, что авторы не утверждали, что государство-участник не приняло необходимых мер для предотвращения исчезновения г-на Марина Рамиреса. Они утверждают, что государство-участник не провело эффективного поиска исчезнувшего лица и не расследовало надлежащим образом его исчезновение. В частности, Комитет отмечает утверждение авторов о том, что случаи исчезновений в этом районе остаются нераскрытыми, что свидетельствует о преднамеренном непроведении расследования местными властями и государственными органами. В конкретном случае г-на Марина Рамиреса авторы утверждают, что прокуратура не провела оперативного и эффективного расследования и не утвердила план оперативно-розыскных мероприятий. В частности, Комитет принимает к сведению утверждения авторов, не опровергнутые государством-участником, о том, что не был проведен сбор ключевых доказательств, который предполагает обеспечение сохранности места преступления и соблюдение порядка изъятия, учета и хранения вещественных доказательств; другие свидетельства, например показания Х. Г. Х., единственного очевидца событий, были получены по прошествии более трех лет после предполагаемого исчезновения, а осмотр места происшествия был проведен по истечении нескольких месяцев.

10.9 Комитет принимает также к сведению довод государства о том, что, несмотря на сложную социальную ситуацию и положение в области безопасности в регионе Тлахьяко, власти приняли незамедлительные меры для установления местонахождения г-на Марина Рамиреса и выявления лиц, которые, возможно, несут

ответственность за его исчезновение. Государство-участник отмечает, что проведение расследований сопряжено с опасностью в силу присутствия вооруженных формирований и организованной преступности и что оно должно координировать доступ на места с коренными общинами. Кроме того, оно обосновывает затягивание расследования такими факторами, как пандемия или ураган. При этом Комитет отмечает, что обе стороны признают, что первые оперативно-розыскные мероприятия были проведены только в июне 2022 года и что только в январе 2024 года, т. е. спустя семь лет после подачи заявления об исчезновении в 2017 году, было проведено совещание с участием жертв и представителей различных учреждений для обсуждения вопроса о целесообразности захода на эту территорию.

10.10 Комитет отмечает, что исчезновение г-на Марина Рамиреса произошло на фоне продолжающегося социального конфликта в регионе Миштека, что предполагает необходимость координации действий властей штата и общин коренных народов в целях проведения определенных оперативно-розыскных и следственных мероприятий, обеспечивая при этом уважение самоопределения коренных народов. В этом контексте Комитет не убеждают доводы государства-участника о том, что конституционное признание нормативных систем коренных народов и необходимость предварительного согласования с ними оправдывают задержки в проведении расследования, поскольку обязанность защищать права человека, включая поиск и установление местонахождения исчезнувших лиц, лежит на государстве-участнике и не может быть делегирована или зависеть от каких-либо факторов. Существование таких механизмов, как делегаты мира, и присутствие представителей властей штата и федеральных властей свидетельствуют о том, что государство-участник располагает средствами для обеспечения доступа в данный район и проведения расследования. Комитет также не считает пандемию COVID-19 или ураган «Агата» приемлемыми основаниями отсутствия прогресса спустя семь лет и пять месяцев после исчезновения.

10.11 Комитет принимает к сведению аргументы автора, касающиеся халатности властей при розыске г-на Марина Рамиреса и отсутствия результатов в расследовании, призванном установить виновных или определить его местонахождение. Он принимает также во внимание аргументы государства-участника, которое утверждает, что оказывало постоянную поддержку семье исчезнувшего лица силами специализированной полицейской группы и проводило следственные действия по установлению его местонахождения. Однако, несмотря на принятие этих мер, государство-участник признает, что местонахождение г-на Марина Рамиреса до сих пор не установлено. Комитет отмечает, что, несмотря на предполагаемые сложности, государство-участник не объяснило задержку в проведении расследования и розыска. В частности, следует отметить, что большинство конкретных действий, упомянутых государством, датируются 2019 годом, т. е. они были предприняты по истечении двух лет после исчезновения; информации о каких-либо существенных результатах, достигнутых в последующие годы, приведено не было, что говорит о том, что данное дело не считалось приоритетным. Кроме того, новых направлений расследования определено не было, а также не было предпринято эффективных усилий по преодолению отмеченных препятствий. Из представленного государством-участником перечня процессуальных и следственных действий следует, что последнее оперативно-розыскное мероприятие было проведено в августе 2023 года. Ссылка на проведение основных действий, таких как опросы и обследование местности, не отменяет тот факт, что было допущено длительное бездействие, и не освобождает государство-участник от обязанности провести тщательное и эффективное расследование.

10.12 В свете вышеизложенного и принимая во внимание давнюю осведомленность государства-участника об общей ситуации в этом районе и, в частности, о присутствии вооруженных лиц и групп, Комитет приходит к выводу, что государство-участник намеренно и сознательно пренебрегло необходимостью принять все надлежащие меры для розыска г-на Марина Рамиреса, расследования его исчезновения и наказания виновных. Таким образом, Комитет считает, что г-н Марин Рамирес стал жертвой насильственного исчезновения, совершенного лицами или группами лиц,

действовавшими с согласия государства-участника, в нарушение статьи 1, рассматриваемой в связи со статьей 2 Конвенции.

10.13 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 12 Конвенции каждое государство-участник обязано обеспечить любому лицу, заявляющему о насильственном исчезновении, право обратиться с жалобой в компетентные органы, которые обязаны оперативно и беспристрастно рассмотреть жалобу и, в соответствующих случаях, безотлагательно провести тщательное расследование. Комитет ссылается также на пункт 3 статьи 24, который предусматривает, что каждое государство-участник обязано принимать надлежащие меры для розыска, установления местонахождения и освобождения исчезнувших лиц, а в случае смерти — установления местонахождения, обеспечения уважения и возвращения их останков. Кроме того, Комитет напоминает, что после получения сообщения о якобы имевшем место исчезновении, в соответствии с договорными обязательствами, предусмотренными в статьях 12 и 24 Конвенции, государства-участники обязаны немедленно разработать всеобъемлющую стратегию, включающую в себя план действий и примерные сроки проведения исчерпывающего розыска исчезнувшего лица и учитывающую всю имеющуюся информацию, включая контекст, в котором произошло предполагаемое исчезновение¹⁷. В частности, такая стратегия должна периодически оцениваться и соответствовать требованиям должной осмотрительности на всех этапах процесса розыска, к которым относятся требования в отношении усердия при проведении расследования и оперативности и тщательности расследования; должна быть также обеспечена компетентность и независимость привлекаемых специалистов¹⁸. Кроме того, государства-участники должны обеспечивать, чтобы принятая стратегия предусматривала принятие комплексных, эффективных и скоординированных мер и чтобы для ее реализации выделялись необходимые и адекватные средства и имелись соответствующие процедуры для установления местонахождения исчезнувшего лица и проведения расследования в отношении лиц, ответственных за его исчезновение¹⁹. Комитет напоминает также, что такая стратегия должна предусматривать дифференцированный подход и что все этапы розыска должны осуществляться при полном уважении особых потребностей жертвы²⁰.

10.14 Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что орган, ответственный за розыск г-на Марина Рамиреса, проявил халатность и что в ходе расследования до сих пор не было обнаружено каких-либо доказательств, которые могли бы содействовать установлению личности тех, кто совершил исчезновение или был причастен к нему, не говоря уже о возможности установить его местонахождение. Комитет принимает также к сведению доводы государства-участника о том, что после подачи заявления об исчезновении прокуратура оказывала семье жертвы постоянное содействие силами полицейской группы, специализирующейся на оказании помощи в кризисных ситуациях и переговорах, и провела ряд следственных действий с целью установления места, где могли держать г-на Марина Рамиреса. Государство-участник подчеркивает также, что были проведены различные следственные действия, но его местонахождение пока не установлено. Однако Комитет считает, что государство-участник не смогло обосновать явную задержку в проведении оперативно-розыскных и следственных мероприятий и ограничилось общей ссылкой на сложность ситуации в регионе.

10.15 Таким образом, Комитет считает, что государство-участник не выполнило своего обязательства эффективно и оперативно провести тщательное и беспристрастное расследование исчезновения г-на Марина Рамиреса в соответствии с пунктом 1 статьи 12 Конвенции, а также свое обязательство по пункту 3 статьи 24 принять надлежащие меры для розыска, установления местонахождения и/или освобождения г-на Марина Рамиреса, а в случае его смерти — для установления

¹⁷ CED/C/19/2, п. 11.

¹⁸ Там же и Руководящие принципы поиска пропавших без вести лиц, принципы 6, 7 и 8.

¹⁹ CED/C/19/2, п. 11; Руководящие принципы поиска пропавших без вести лиц, принципы 10, 11 и 12.

²⁰ CED/C/19/2, п. 20; Руководящие принципы поиска пропавших без вести лиц, принцип 14.

местонахождения, обеспечения уважения и возвращения их останков. С учетом вышеизложенного Комитет заключает, что он не может считать, что власти эффективно и оперативно приступили к проведению тщательного расследования исчезновения г-на Марина Рамиреса, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 12 Конвенции. Таким образом, Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не выполнило своего обязательства по проведению с должным усердием расследования, направленного на установление личности виновных. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что факты настоящего дела свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 12 и пункта 3 статьи 24 Конвенции²¹.

10.16 В отношении остальных утверждений по статье 24 Конвенции Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 24 каждая жертва имеет право знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, о ходе и результатах расследования и о местонахождении исчезнувшего лица и что государство-участник обязано принять соответствующие меры в этой связи. Комитет принимает к сведению утверждение авторов как членов семьи исчезнувшего лица о том, что они еще не знают правды об обстоятельствах исчезновения г-на Марина Рамиреса. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что с родственниками г-на Марина Рамиреса поддерживалась связь и проводились последующие мероприятия и что в январе 2024 года было проведено совещание с участием его родственников.

10.17 Однако с учетом того, что уже было отмечено в отношении расследования исчезновения и розыска г-на Марина Рамиреса, и памятуя о том, что после его исчезновения прошло семь лет и пять месяцев, Комитет считает, что государство-участник не приняло надлежащих мер, которые позволили бы авторам сообщения узнать правду об обстоятельствах его насильственного исчезновения в соответствии с пунктом 2 статьи 24 Конвенции. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что факты настоящего дела свидетельствуют о нарушении прав авторов сообщения по пункту 2 статьи 24 Конвенции.

10.18 В свете непринятия государством-участником мер по возмещению ущерба авторам Комитет считает, что государство-участник не выполнило свою обязанность по обеспечению права жертв на получение быстрого, справедливого и адекватного возмещения ущерба и компенсации в соответствии с пунктом 4 статьи 24 Конвенции, рассматриваемым в совокупности с пунктом 5. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что факты настоящего дела свидетельствуют о нарушении прав г-на Марина Рамиреса и авторов в соответствии с пунктом 4 статьи 24, рассматриваемым в совокупности с пунктом 5 статьи 24 Конвенции²².

11. Действуя в соответствии с пунктом 5 статьи 31 Конвенции, Комитет считает, что представленные ему на рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьей 2; пункта 1 статьи 12; пунктов 2 и 3 статьи 24 и пункта 4 статьи 24, рассматриваемого в совокупности с пунктом 5, в отношении г-на Марина Рамиреса; пункта 1 статьи 12; пунктов 2, 3 и 4 статьи 24 Конвенции, рассматриваемых в совокупности с пунктом 5, в отношении авторов.

12. В соответствии с пунктом 5 статьи 31 Конвенции Комитет настоятельно призывает государство-участник:

- а) провести оперативное, эффективное, тщательное, беспристрастное, независимое и транспарентное расследование обстоятельств исчезновения г-на Марина Рамиреса с целью установления истины о его насильственном исчезновении;
- б) предоставить авторам подробную информацию о ходе и результатах этого расследования;

²¹ *Берросе Медина против Мексики*, п. 7.7.

²² Там же, п. 7.11.

с) привлечь к ответственности, предать суду и наказать непосредственных исполнителей и лиц, ответственных за насильственное исчезновение г-на Марина Рамиреса;

d) принять все надлежащие меры для розыска, установления местонахождения и освобождения г-на Марина Рамиреса, а в случае его смерти — для установления местонахождения, обеспечения уважения и возвращения их останков, учитывая и уважая особые культурные традиции авторов как членов общин коренных народов, в соответствии с принципом 4 Руководящих принципов поиска пропавших без вести лиц;

e) предоставить авторам всестороннее возмещение ущерба и быструю, справедливую и адекватную компенсацию в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 24 Конвенции;

f) принять все необходимые меры для обеспечения гарантий неповторения в соответствии с пунктом 5 d) статьи 24 Конвенции и в частности:

i) выполнить рекомендации Комитета, содержащиеся в его докладе о посещении Мексики²³, в частности в пунктах 31 и 32, касающихся разработки национальной политики по предотвращению и искоренению насильственных исчезновений, и в пунктах 14, 74 и 75 его рекомендаций²⁴, касающихся разработки глобальной и всеобъемлющей стратегии розыска и расследования и дифференцированного подхода к процедурам розыска и расследования;

ii) создать механизм координации между властями штата, местными властями и властями коренных народов для проведения розыска и расследования случаев насильственных исчезновений в регионе.

13. Государству-участнику настоятельно рекомендуется также опубликовать настоящие выводы и широко распространить их содержание, в частности, но не только, среди сотрудников прокуратур штатов и Генеральной прокуратуры, занимающихся расследованием исчезновений людей.

14. Комитет просит государство-участник в течение шести месяцев с даты препровождения настоящих соображений представить информацию о мерах, принятых им для выполнения изложенных выше рекомендаций.

²³ CED/C/MEX/VR/1 (Findings).

²⁴ CED/C/MEX/VR/1 (Recommendations).

Annex I

[English only]

Individual opinion of Committee member Olivier de Frouville (concurring)

1. I fully agree with the solutions reached by the Committee in these findings, both on admissibility and in substance. I am writing this opinion to clarify some legal issues that have not been addressed in detail by the Committee.

2. In the present case, the Committee was confronted not only with particularly complex facts but also with particularly difficult problems of interpretation of the International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance. It is for this reason that the Committee decided to convene both parties for a hearing, thus implementing rule 78 of its rules of procedure for the first time.

3. Alexis Marín Ramírez was abducted by armed men who were clearly not State agents. Moreover, the authors of the communication do not argue otherwise at any time. In the first few days after the abduction, negotiations were initiated between the family and the kidnappers. The fate of Mr. Marín Ramírez was therefore not completely unknown, and a ransom demand seemed to be the price of his release. But from the moment the negotiations were interrupted, Mr. Marín Ramírez's family remained without news. The case therefore appears at first glance to be a kidnapping with a tragic outcome. Do such facts fall within the scope of the Convention? This is the difficult issue with which the Committee had to grapple. The answer is far from obvious, partly because of the criteria delimiting the scope of the Convention, but also because of the complexity of the circumstances specific to the case, which the Committee was able to grasp properly only through the concept of "acquiescence" contained in the Convention.

Delimitation of the scope of the Convention

4. States Parties assume obligations regarding two types of facts, which are described in articles 2 and 3 of the Convention, respectively, and which define its scope of application. Article 2 defines "enforced disappearance" as such. This is the purpose of the Convention, its *raison d'être*. This definition includes a direct or indirect connection to the State, insofar as the various elements listed in the article are to be carried out "by agents of the State or by persons or groups of persons acting with the authorization, support or acquiescence of the State". But the authors of the Convention also provided that States Parties must assume certain more limited obligations under article 3 in relation to "acts defined in article 2 committed by persons or groups of persons acting without the authorization, support or acquiescence of the State".

5. This means that disappearances committed by private individuals or non-State actors may fall within the "scope" of the Convention, provided that they themselves fall within the provisions of either article 2 or article 3. In other words, provided that the "criteria" set out in article 2 or article 3 are met, States have obligations under the Convention not only when a disappearance is perpetrated by State agents, but also when a disappearance is committed by private persons or non-State actors. These "criteria" remain to be determined, and this is where the question becomes complicated because the Convention is neither clear nor exhaustive on this point.

6. With the aim of clarifying certain fundamental points of interpretation, the Committee adopted, in March 2023, its statement on non-State actors in the context of the International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance.¹ It is therefore normal that in the context of this case, the Committee refers to it extensively. In that statement, the Committee clarified the concepts of "authorization", "support" and

---

¹ CED/C/10/Rev.1.

“acquiescence”, which are not defined anywhere in the Convention. It also adopted, in my view, a strict interpretation of article 3 and the concept of “acts” contained therein, namely that this article applies only to disappearances that could be described as “acts tantamount to enforced disappearance”, which therefore exclude other forms of worrying disappearances, including those that are involuntary on the part of the disappeared person, such as kidnappings or abductions. Such a strict interpretation stems both from the wording of article 3 – which explicitly refers to all the elements included in article 2, apart from the link with the State – but also from the object and purpose of the Convention, which was not adopted by States to prevent or punish any form of “disappearance” as a consequence of ordinary crimes, and even less so to protect persons from going missing in other circumstances unrelated to a criminal act.

7. On this basis, the Committee was led to determine whether or not the disappearance of Mr. Marín Ramírez fell within the scope of the Convention. At the admissibility stage, the Committee only questions the compatibility of the authors’ claims. The latter clearly articulated their grievances with regard to specific provisions of the Convention. They do not address the question of whether the disappearance falls within the scope of article 2 or article 3, nor does the State Party do so in its replies. At that stage, therefore, it was not necessary for the Committee to address this issue, especially since providing an answer to it would necessarily address the merits of the case.

8. It is therefore at the stage of the merits that the Committee turns to the issue of whether the facts are relevant to the Convention, starting in paragraph 10.3 of its Views, where it explicitly states that it must determine whether the disappearance in question is attributable to the State Party, and therefore falls within the scope of article 2, or whether, on the contrary, it falls within the scope of article 3 of the Convention (and is therefore not attributable to the State Party, while generating a more limited range of obligations).

9. On this basis, the Committee embarks on a long line of reasoning on the grounds of article 2 (paras. 10.4–10.13). It finally concludes that the disappearance is indeed an “enforced disappearance” within the meaning of article 2. It does so based on the observation that disappearance, although committed by non-State actors, is attributable to the State based on its “acquiescence”, a point to which I will return in paragraphs 11 to 14 below.

10. At this point, the Committee could have been more explicit and said that having reached this conclusion, it was not necessary to consider whether the disappearance fell within the scope of article 3. Indeed, the two hypotheses (article 2 or article 3) are mutually exclusive. It could also have stated that, as a result, a third hypothesis was also excluded, namely the hypothesis that, according to the strict interpretation of article 3 referred to above, the disappearance of Mr. Marín Ramírez would fall outside the scope of the Convention, in so far as it constituted a “mere” abduction and not a crime tantamount to “enforced disappearance”, as defined in article 2. In this type of case, it is in the authors’ interest to turn instead to a body that is the guardian of a more generalist treaty, such as the International Covenant on Civil and Political Rights or one of the regional human rights conventions.

Complexity of the facts of the case and the concept of “acquiescence”.

11. As we have said, the facts *prima facie* refer to a kidnapping for ransom, followed by a worrying disappearance, in short: a disappearance that is the result of an ordinary crime. However, this does not take into account the general context prevailing in the territory of the State Party, Mexico, and the more specific context prevailing in the locality where Mr. Marín Ramírez was abducted, the Mixteca region in the State of Oaxaca. The Committee has studied this dual context very carefully. To that end, it sent the parties additional written requests for information and convened a hearing. The Committee could not fail to place the disappearance of Mr. Marín Ramírez in the broader phenomenon of disappearances in Mexico. The Committee already had in-depth knowledge of this phenomenon, thanks to the information gathered in the context of the procedures under articles 29, 30 and 33 of the Convention. In particular, at the end of its visit to Mexico, the Committee concluded that the situation was

characterized by “almost absolute impunity” (“between 2 per cent and 6 per cent” of cases of disappearance had resulted in prosecutions).²

12. With regard to the more specific context of the Mixteca region, it was of crucial importance for the Committee to understand the factual situation and nature of the conflicts prevailing in the region, including: were there one or more non-international armed conflicts within the meaning of international humanitarian law? This would have led the Committee to article 3 of the Convention. Also of major importance was the understanding of the tangle of competence between the different authorities acting on the ground, taking into account, in particular, the nature of the status of relative autonomy granted to Indigenous populations in the State of Oaxaca.

13. In the light of these various factors, the Committee was able to conclude that what appeared a priori to be an abduction in fact raised the problem of the “acquiescence” of State organs. The Committee has precisely defined this concept in its statement on non-State actors. It implies – to put it briefly – a deliberate form of passivity in the face of a situation that is known or should have been known by the organs of the State.

14. There is no doubt that in the case of Mr. Marín Ramírez, we are on a thin line, with, on the one hand, the hypothesis of a breach of the obligation of due diligence and of a responsibility of the State by “catalysis”,³ which is within the scope of article 3; and, on the other hand, the hypothesis of the indirect attribution to the State of a disappearance perpetrated by private persons, which falls under article 2. It was the particular facts of the case – the passivity of State organs, which in this case was persistent and continuous over a long period of time, without such passivity being justified, the local context and the general context of enforced disappearances in Mexico – that led the Committee to the certainty that the disappearance fell within the second hypothesis and could therefore be attributed to the State Party.

---

² CED/C/MEX/VR/1 (Findings), para. 25.

³ A term used by one of the International Law Commission Special Rapporteurs on State responsibility, Roberto Ago, to refer to the situation in which the State is responsible for its omissions in relation to acts attributable to private persons and not for those acts themselves.

Annex II

[Español únicamente]

Voto particular (concurrente) de Juan Pablo Albán Alencastro, miembro del Comité

1. He concurrido con mis colegas a la aprobación del dictamen respecto de la comunicación núm. 5/2021, relacionada con la desaparición forzada en México del Sr. Marín Ramírez y la situación de sus padres, la Sra. Ramírez Barrios y el Sr. Ramírez Barrios. Estando de acuerdo con el análisis y motivación desarrollados por el Comité, estimo importante plantear unas reflexiones adicionales en torno a tres cuestiones, la primera de orden procesal y las otras dos de carácter sustantivo.

2. La primera cuestión se refiere al previo agotamiento de los recursos de la jurisdicción interna. Al respecto, la Convención, cuya supervisión de cumplimiento se nos ha confiado, establece, en su artículo 31, párrafo 2 d), que el Comité declarará inadmisibles cualquier comunicación si los recursos internos efectivos disponibles no han sido agotados.

3. En el presente caso el Estado Parte alegó durante el trámite ante el Comité que la presente comunicación es inadmisibles por falta de agotamiento de los recursos ya que, a la fecha, hay diversas diligencias de investigación que continúan pendientes.

4. El Comité declaró admisible la comunicación y al efecto consideró en el párrafo 9.6 del dictamen que,

desde la desaparición del Sr. Marín Ramírez y de que fueran presentadas las denuncias correspondientes a nivel nacional, y a pesar de diversas solicitudes presentadas por los autores, las investigaciones en curso no han producido ningún resultado y el Estado Parte no ha justificado el retraso [...]. En consecuencia, el Comité considera que dicho recurso ha excedido los plazos razonables y concluye que el presente caso cumple con los requisitos del artículo 31, párrafo 2, de la Convención.

5. Sin perjuicio de ello debo expresar que, en mi opinión, no es posible subordinar la admisibilidad de una comunicación individual al agotamiento de un recurso que carece de eficacia porque los autores de tal comunicación se encuentran procesalmente impedidos de llevarlo adelante y agotarlo.

6. En un sistema procesal penal acusatorio como el vigente en el Estado concernido y aplicable al presente caso, la titularidad del ejercicio de la acción penal frente a un delito de desaparición forzada corresponde exclusivamente al órgano oficial de investigación y acusación, esto es, la Fiscalía. Es decir, las víctimas no tienen legitimación procesal para iniciar e impulsar el proceso penal sino únicamente para llevar a las autoridades la *notitia criminis*, lo que en efecto ocurrió. En los sistemas procesales en los que la víctima puede participar en la investigación preprocesal o en el proceso penal, tal participación no es una obligación sino una prerrogativa, y tratándose de delitos perseguibles de oficio, la obligación de promover e impulsar la investigación y eventualmente el proceso penal recae en el Estado. En tales circunstancias, exigir que la víctima agote la vía penal que ni siquiera puede activar resulta una carga irrazonable.

7. La segunda cuestión se relaciona con la noción de aquiescencia, a partir de la cual el Comité ha concluido en el párrafo 10.12 del dictamen que la desaparición forzada del Sr. Marín Ramírez, perpetrada por actores no estatales, es responsabilidad del Estado Parte.

8. Al respecto, es importante señalar que el Estado Parte puede ser responsabilizado por la actuación de sujetos que no forman parte de su estructura orgánica si se cumplen dos requisitos: a) que conozca un riesgo real e inminente de una infracción a un deber

internacional, y b) que no adopte las medidas razonables para prevenir la concreción de tal riesgo¹.

9. En el dictamen sobre la presente comunicación individual, el Comité nota en el párrafo 10.7 que: “la desaparición del Sr. Marín Ramírez ocurrió en un contexto de graves violaciones de derechos humanos por parte de grupos de personas armadas que operaban en la zona, incluidos otros casos de desapariciones y otros delitos graves”.

10. Por eso opino que, más allá de la motivación expuesta en el dictamen, es relevante para el análisis del presente caso lo expresado por el comité en su Declaración sobre los agentes no estatales en el contexto de la Convención Internacional para la Protección de Todas las Personas contra las Desapariciones Forzadas², respecto a que existe aquiescencia en el sentido del artículo 2 de la Convención cuando hay un cuadro persistente conocido de desaparición de personas y el Estado no ha adoptado las medidas necesarias para impedir nuevos casos de desaparición, investigarlos y sancionarlos, y que la carga de probar que no existió aquiescencia le corresponde al propio Estado, mediante la justificación documentada de las acciones emprendidas para impedir y, de ser el caso, hacer frente al hecho, así como de la eficacia de tales acciones. De esa manera, el umbral de protección frente a la desaparición se eleva, así como las obligaciones que competen al Estado que no se limitan a aquellas recogidas explícitamente en el artículo 3 de la Convención.

11. La tercera cuestión tiene que ver con el alcance del derecho a la verdad. En el párrafo 7.11 del dictamen respecto de la comunicación individual núm. 4/2021³, este Comité concluyó que el Estado no tomó las medidas adecuadas para hacer efectivo el derecho a la verdad, considerando que,

a más de nueve años de los hechos, la autora y la sociedad mexicana desconocen la verdad de lo ocurrido al Sr. Mendoza Berrospe. Ni la familia ni la sociedad mexicana conocen los nombres de los responsables de los hechos y no han sido oportuna y suficientemente informados sobre las circunstancias de la desaparición.

12. Es decir, en aquella ocasión, el Comité tomó en cuenta no solo la dimensión individual del derecho a la verdad, como hace en el párrafo 10.16 del presente dictamen, sino también la dimensión colectiva.

13. En mi opinión, es importante insistir en el enfoque adoptado en el caso relativo al Sr. Mendoza Berrospe, pues en el derecho internacional de los derechos humanos ya es indiscutible la existencia de un derecho colectivo de la sociedad a la verdad, con miras a construir una memoria común y, con ello, evitar la recurrencia futura de hechos similares, promoviendo la empatía social con las víctimas.

---

¹ Corte Penal Internacional, *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, United States v. Iran*, fallo, *I.C.J. Reports* 1980.

² CED/C/10, párrs. 6 y 7.

³ *Berrospe Medina c. México* (CED/C/24/D/4/2021).